

И. А. Алимов

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ИСТОРИКА: «ЗАМЕТКИ ГОСПОДИНА СУН ЦЗИН-ВЭНЯ» СУН ЦИ (998–1061)

Сун Ци (宋祁 второе имя Цзы-цзин 子京, посмертное имя Цзин-вэнь 景文) родился в 998 г. и умер в 1061-м, прожив шестьдесят четыре года. В сунской династийной истории сказано, что братья Сун «были родом из Аньлу области Аньчжоу (совр. пров. Хубэй), а позднее переехали в Юнцю, что у Кайфэна (Хэнань)», но это не совсем правильно, поскольку из сочинений самого Сун Ци известно, что род Сунов перебрався в окрестности Кайфэна еще четыре поколения назад, а в Аньлу братья Сун оказались после смерти отца, Сун Ци (宋祁?–1017), попав туда на попечение приемной матери, госпожи Чжу 朱夫人.

Юные годы Сун Ци и его брата прошли в бедности и были вполне типичны для иных сунских книжников, впоследствии составивших славу китайской культуры (например, для Оуян Сю): «Когда в юности я начинал учиться, у меня не было ни наставника, ни однокашников. В бедном нашем доме не имелось книг, и я самостоятельно упражнялся в сложении стихов и од», — писал будущий автор «Сун цзин вэнь гун би цзи» (фраг. № 23). А вот свидетельство Ван Дэ-чэня (王得臣 1036–1116): «Приемная мать Сун Юань-сяня, госпожа Чжу, была моей соседкой. Когда [Юань-сянь] и его младший брат Цзин-вэнь еще не сдали экзаменов и были у нее на попечении, то и учились они в Аньлу. Жили бедно. В праздник зимнего солнцестояния, [они] созвали однокашников на выпивку, и Юань-сянь сказал гостям: “Вот пришел праздник, а нам и угощения купить не на что. Только и есть что вот — лян серебра с ножен нашего батюшки, хватит, чтобы накрыть на стол. — А потом добавил с улыбкой. — В день зимнего солнцестояния проедаем ножны от меча, а на новый год будем есть сам меч!”¹. Плохо обеспеченное юношество, видимо, оказало определенное влияние на каждого из братьев.

Как и положено, Сун Ци учился дома, но известно также, что он получал образование и вне его — об этом пишет все тот же Ван Дэ-чэнь: «Мои земляки передают, что когда Сун Цзин-вэнь еще не ездил сдавать экзамены, он учился в буддийском скиту в Юньяне»². Закончив учение, Сун Ци принял участие в экзаменах. «У меня не было помыслов утвердить, как говорится, свое имя в нынешнем веке, но лишь вынашивал я планы, считая просо, содержать близких и умножать славу рода своего». Иными словами, Сун Ци единственно хотел получить хорошее место в аппарате управления страной — его влекла не литературная слава, но желание дать достойное обеспечение родственникам и верной службой заслужить почет и славу. Судя по всему, не имел Сун Ци и особо честолюбивых планов. Исходя из вполне утилитарной цели, он пошел по проторенному многими предшественниками пути: стал копировать литературные образцы, признававшиеся современниками лучшими, справедливо полагая, что овладение таким стилем принесет ему успех на экзаменах. «В двадцать четыре [года] мне удалось передать свои сочинения первому министру господину Ся (то есть Ся Суну (夏竦 985–1051). — *И. А.*), и он выделил их, счел, что [благодаря им] я непременно получу высшую степень» (фраг. № 23). Так оно и вышло: на второй год под девизом правления

Тянь-шэн (1024) Сун Ци вместе со своим старшим братом благополучно выдержал столичные экзамены. По списку Сун Ци шел первым среди выдержавших, а Сун Сян — лишь третьим. Однако фактически управлявшая страной императрица Чжан-сянь (Чжан-сянь мин-су, 章獻明 肅 969–1033), как сказано в сунской династийной истории, «не пожелала, чтобы младший брат был впереди старшего и распорядилась отдать первое место [Сун] Сяню, а [Сун] Ци отодвинула на десятое место». Сун Ци получил назначение в область Фучжоу (Хубэй). Служба в провинции продолжалась недолго: по протекции сановника Сунь Ши (孫奭 962–1033), чрезвычайно ценившего Сун Ци, он был назначен в Далисы (Палата наказаний) и преподавателем в столичное училище.

Сун Ци служил всю жизнь с переменным успехом в столице и провинциях: был *чжич-жигяо* (чиновник, ведающий составлением черновиков императорских бумаг), занимал пост в Управлении департаментов (Шаншунэнь), был членом придворной академии Хань-линьюань, начальником областей Шоучжоу и Хаочжоу (обе располагались на территории совр. пров. Аньхой), Чэньчжоу, Чжэнчжоу и Сюйчжоу (все — Хэнань), Ичжоу (Сычуань), Динчжоу (Хэбэй), начальником столицы Сычуани, городом Чэнду (1056), и др. В годы под девизом правления Цин-ли (1041–1048) Сун Ци под влиянием старшего брата, к которому он всю жизнь относился с огромным уважением и чье мнение было для Сун Ци чрезвычайно весомым, выступил против реформ, предлагаемых Фань Чжун-янем (范仲淹 989–1052), хотя многие из сторонников реформ были его хорошими знакомыми и близкими друзьями, да и с самим Фань Чжун-янем их связывали вполне приятельские отношения: когда тот был отправлен служить в провинции, Сун Ци, несмотря на предшествующие формальные разногласия, одним из очень немногих написал стихотворение «Провожая Фань Си-вэня» 送范希文, скорбя в нем о несправедливости, допущенной в отношении этого видного сановника. Подобный поступок требовал достаточного мужества.

В 1045 г. Сун Ци получил назначение на пост сюэши в палату Лунтугэ и в Историческую палату. Немного ранее прославившийся эрудицией Сун Ци получил от двора распоряжение принять участие в руководимой Оуян Сю (歐陽修 1007–1072) работе по составлению новой официальной истории династии Тан (新唐書 «Синь тан шу»). В этом сочинении Сун Ци принадлежит раздел «Ле чжуань» (列傳 «Отдельные жизнеописания») в 150 цзюанях, две трети всего текста: в сравнении «Цзю тан шу» (舊唐書 «Старая история [династии] Тан») выполненные им жизнеописания выгодно отличаются привлечением большого количества не использованных в «Цзю тан шу» дополнительных материалов, в том числе сюжетной прозы, семейных и домашних хроник, неофициальных исторических сочинений, что позволило Сун Ци значительно расширить отдел биографий как в части содержания уже имевшихся ранее, так и в части введения новых, ранее отсутствовавших: Сун Ци добавил триста десять новых биографий и обогатил уже существовавшие более чем двумя тысячами исторических эпизодов и свидетельств. Над составлением «Синь тан шу» Сун Ци трудился непрерывно семнадцать лет (с 1044 по 1060 гг.); он возил материалы с собой от одного места службы к другому: «Каждый раз, как заканчивался пир [в его доме], растворяли двери в опочивальню, опускали там занавеси и зажигали две большие свечи. Две служанки стояли тут же, готовые напитывать кисть тушью или разворачивать бумагу. И всем кругом становилось ясно, что господин Сун работает над танской историей. Издали он напоминал бессмертного святого!» — говорится в «Дун сюань би лу» (東軒筆錄 «Заметки с восточной веранды») Вэй Тая (魏泰 1050–1110)³. Когда же работа была закончена, при дворе пожелали, чтобы текст, написанный двумя разными людьми, приобрел стилистическую однородность; это было поручено Оуяну Сю, но он по здравом размышлении

отказался что-либо менять в принадлежащей Сун Ци части; более того — когда было решено подписать «Синь тан шу» одним лишь именем, именем руководителя работы, Оуянь Сю также решительно воспротивился этому и настоял на том, чтобы имя Сун Ци значилось на составленных им биографиях, ведь фактически Сун Ци проделал труд, в два раза превышающий написанное для новой танской истории самим Оуянем Сю.

Сун Ци вовсе не ждал от этой работы особых почестей — нет, «Синь тан шу» дала ему возможность в полной мере явить свои таланты историка. Однако же почести последовали: Сун Ци был назначен первым заместителем начальника Управления департаментов (Шаншусэна) и начальником Департамента работ, но вскоре умер⁴. В соответствии с традицией и заслугами, посмертно Сун Ци был пожалован должностью начальника Управления департаментов, Шаншусэна; домашние же его, чтя волю усопшего, не стали подавать двору прошение о даровании ему посмертного имени. Это несколько позднее за них сделал известный сунский книжник Чжан Фан-пин (張方平 1007–1091); тогда-то лишь Сун Ци получил посмертное имя Цзин-вэнь (景文 «Благодатный и просвещенный»).

***

Сун Ци был известен и как поэт, одно время даже популярный: «Во второй год под девизом правления Тянь-шэн на провинциальных экзаменах Сун Ци написал лучше всех стихотворение, [называвшееся] “Выбираю себе господина”, и там была такая строка: “Гаснет заря среди отблесков за облаками. Все умолкает навстречу медленной луне”, — ее знали наизусть все жители столицы. Кандидаты того времени прозвали его Сун Выбираю Господина». Будучи сыном своего времени, в стихосложении он, как и старший брат, в юные годы не избежал влияния популярной поэтической школы «сикунь», однако с течением времени, не будучи удовлетворен творчеством современных ему поэтов и призывая учиться у стиховорцев предшествующих времен, выработал собственный оригинальный стиль. В антологии «Сун ши цзи ши» (宋詩紀事 «Исторические события в сунских стихах»), составленной Ли Э (厲鶚 1692–1752), помещено более тридцати его стихотворений и сказано, что, будучи в Сычуани, Сун Ци сложил триста стихотворений, объединив их в сборник с названием «Вэй гао» (猥稿 «Вульгарные наброски»)⁵. До наших дней дошло также 22 цзюани его стихов в составе «Цюань сун ши» (全宋詩 «Все сунские стихотворения»), а также семь стихотворений в жанре цы в антологии «Цюань сун цы» (全宋詞 «Все сунские цы»). После Сун Ци остались также бессюжетные произведения традиционных жанров — заметки, доклады, рассуждения, эпитафии, письма и т. п. Полное собрание его сочинений — «Сун цзин вэнь цзи» 宋景文集 — в сунское время насчитывало сто пятьдесят цзюаней, но было утеряно, и мы располагаем лишь цинской реконструкцией в сто цзюаней.

Но сегодня Сун Ци — прежде всего автор «Синь тан шу». Это сочинение имеет в его жизни особое значение: оно не только вписало имя Сун Ци в историю, но, по его собственному признанию, работа над «Синь тан шу» — а точнее, необходимое для этого детальное знакомство с разнородными материалами и множеством сочинений — произвело своеобразный переворот в сознании: «Я просмотрел все то, что создал за свою жизнь, и покраснел от стыда, потом покрылся. Мне стало ясно, что я не написал еще ничего достойного» (фраг. № 24).

Для нас же в рамках настоящей работы наиболее интересным является другое сочинение Сун Ци — его сборник «Сун цзин вэнь гун би цзи» (宋景文公筆記 «Заметки господина Сун Цзин-вэня»), пожалуй, самый об объему маленький из сунских бицзи. Этот сборник не является чем-либо особенно выдающимся в истории китайской словесности

и не столь обширен. Однако в названии именно этого сборника впервые был употреблен термин «бицзи» 筆記 в том смысле, в каком позднее его стали употреблять для обозначения целого направления китайской письменной культуры.

***

Многое из вошедшего в «Заметки...» писалось одновременно (или несколько позже) с «Синь тан шу», работу над которой Сун Ци закончил за год до смерти. Нам неизвестно, когда был составлен сборник; Чао Гун-у (晁公武 XII в.) в своей библиографии утверждает, что это сделал даже не сам Сун Ци⁶. В пользу этого говорит наличие в третьей цзюани выпадающих из общего контекста произведений, имеющих заголовки. Кроме того, в названии этого сочинения фигурирует посмертное имя Сун Ци — Цзин-вэнь, и про него сказано гун 公, т. е. «[покойный] господин». Вполне вероятно, что первоначальное название сборника было «Би цзи» 筆記 — или у сборника вообще названия не было, — а позже кто-то дал ему другое, более длинное название. Возможно, составителем сборника выступил Ли Кань (李衍 1189–1243), добавивший к тексту короткое послесловие, датированное 1226 г. Послесловие это почти полностью посвящено разбору некоторых встреченных Ли Канем в тексте неточностей или спорных мест, что не помешало ему в конце подчеркнуть заслугу Сун Ци, составившего эти записи, «чтобы то, о чем он слышал от старших, узнали потомки»⁷.

Очевидно, что сборник этот, так же как и все собрание сочинений Сун Ци, не дошел до нас полностью. В библиографическом отделе сунской династийной истории упоминается текст «Заметок...» в пяти цзюанях⁸; Чао Гун-у говорит о тексте в три цзюани; в библиографии Чэнь Чжэнь-суня (陳振孫 1190–1249) указан текст в одну цзюань⁹; в династийных историях Ляо, Цзинь и Юань сборник не числится вовсе. Название сборника Сун Ци также указывается по-разному: у Чэнь Чжэнь-суня это «Сун цзин вэнь би цзи» 宋景文筆記, у Чао Гун-у — «Цзин вэнь би лу» 景文筆錄. Возможно, речь идет о двух различающихся друг от друга текстах, кусках первоначального, и в силу каких-то причин утраченного, из которых до нас дошел один; возможно, это один и тот же текст, по-разному скомпонованный. Так или иначе, но к цинскому времени сборник дошел в известном нам сегодня объеме и под названием «Сун цзин вэнь гун би цзи», и цинский Чжоу Чжун-фу (周中孚 1768–1831) упоминает о тексте в три цзюани¹⁰. Очевидно, сборник подвергался поздним реконструкциям, что стало еще одной причиной неоднородности и неровности его композиции.

***

Итак, известном ныне тексте «Заметок...» три цзюани, в которых объединено сто шестьдесят шесть фрагментов. Все три цзюани имеют заголовки.

Цзюань первая носит название «Ши су» (釋俗 «Толкование обычаев»). Среди составляющих ее фрагментов (их тридцать два) можно выделить несколько более или менее устойчивых тематических групп.

1. Заметки, наблюдения автора, касающиеся иероглифов, пишущихся или употребляющихся, с точки зрения Сун Ци, неверно, причины чего автор предлагает искать, в частности, в тех давних временах, когда еще не существовало стандартизированного написания: «В древности не было единого [написания] иероглифов, и многие [знаки] заимствовали [по сходности]: *чжун* 中 заменяли на *чжун* 仲, *шо* 說 заменяли на *шуй* 幌, *чжао* 召 заменяли на *шао* 邵, *цзянь* 閒 заменяли на *сянь* 閑» (фраг. № 21). А последующие поколения, следуя такому разнобою, и вовсе дело запутали: «Вижу я часто, что нынешние в знании никак не достигают основательности древних. И каждый раз [мне] стыдно. Некогда читал я нечто о жертвоприношениях, и там были знаки *жэньци* 任器, а в комментарии сказано: [смысл] неясен. Но ведь *жэньци* — это то, что носят на плечах. Больше

читай философов да историков — и все ясно будет» (фраг. № 17). Сун Ци дает правильное написание иероглифов, объясняя, почему возникла ошибка; приводит первоначальное написание, объясняет особенности употребления того или иного иероглифа, подкрепляя свою точку зрения примерами из сочинений предшественников, где употребляются интересующие его иероглифы, в том числе и из древнейших памятников.

2. Фрагменты, где Сун Ци разъясняет смысл того или иного слова, прослеживая отчасти и историю его происхождения. «У господина Сун Сюань-сяня есть сочинение “Лу бу цзи” (鹵簿記 “Записки о жезлоносцах [императорской свиты]”). [Я] дошел до дервка *баошо* 爆槩¹¹ и не смог определить его происхождения. И все ученые, к которым я обращался, не знали [этого]. Лишь через десять лет я сумел дознаться истоков: рассказывают, что на левом берегу Реки [в свое время] были секиры *бошо* 𣎵¹², с наверхом — большим, словно тыква. Оттуда и пошло» (фраг. № 5). Нередко сообщаемые в «Записках...» сведения носят этнолингвистический характер: «Южане все реки называют цзян 江, а северяне все реки называют хэ 河, из-за диалектных различий в названиях рек Хуай и Ци нет полной ясности» (фраг. № 11). Несколько фрагментов посвящено обычаям, распространенным в сунском Шу (современная провинция Сычуань): стариков, например, там называют не лао 老, а по 皤. Или: «Жители Шу, увидя что-то необычное, в удивлении восклицают: “И-си-си!” (“Ох-ох!”). Это восклицание использует Ли Бо в стихотворении “Трудны дороги в Шу”» (фраг. № 14).

3. Фрагменты, касающиеся тех или иных обычаев, распространенных в современном Сун Ци китайском обществе. Например, весьма интересно довольно пространное рассуждение о бумаге. «В древности все книги писались исключительно на желтой бумаге и потому называли их хуан цзюань (黃卷 «желтые свитки»). У Янь Чжи-туя сказано: “В Поднебесной книг не перечесть, желтым всех ошибок не замазать”. [Речь идет о] желтой краске, цветом такой же, как и бумага, потому ее и использовали, чтобы исправлять ошибки. А ныне пишут на белой бумаге, знатоки исправляют ошибки желтым. Цвета не сходятся. Вот только даосские и буддийские сочинения все еще пишутся на желтой бумаге» (фраг. № 7). Тут же есть заметки о каменных гонгах, одежде придворных, надмогильных стелах, учености и пр. Например: «Стелы — если устанавливали у могильного холма, значит, в нем покоится гроб; если устанавливали у храма, значит, чтобы привязывать жертвенных животных. Об этом древние и делали надписи на [стелах]. А ныне буддийские храмы громадные куски камня выбирают, гравировать на них тексты, и люди из высших слоев общества складывают [для стел надписи], зовут их эпитафиями, — к все чему это? Вот что мне неясно» (фраг. № 9).

4. Фрагменты, посвященные поэзии и весьма напоминающие ранние сунские *шихуа* (詩話 рассуждения о стихах), где Сун Ци высказывает свое мнение о стихах (отдельных стихотворных строках) тех или иных авторов, сравнивает их, перечисляет поэтов, которых считает достойными или выдающимися, приводит заинтересовавшие его суждения других лиц о поэзии и о поэтах. Среди упоминаемых поэтов — Ли Бо (李白 701—762), Ду Фу (杜甫 712—770), Лю Юй-си (劉禹錫 772—843), Ян И (楊億 974—1020), Мэй Яо-чэнь (梅堯臣 1002—1060) и некоторые другие. Например: «Первый министр Янь (то есть Янь Шу (晏殊 991/993?—1055). — И. А.) — признанный мастер стихосложения нынешнего века. На склоне лет [я] видел собрание написанного им — за десять тысяч произведений перевалило! Ни у кого из танских авторов, [чьи сочинения] дошли до нас, такого и рядом нет. Но первым министр сам свои творения не очень-то ценил. И те, кто гостил [у него] в доме, а также и его подчиненные, что называется, растаскивали [его] звуки и рифмы, использовали их для поэтических экспромтов» (фраг. № 26).

Цзюань вторая (шестьдесят восемь фрагментов), название которой «Као гу» 考古 мы условно переводим как «Разыскания в области древностей», принципиально не отличается от первой — ведь, по сути, вся работа Сун Ци как типичного китайского книжника сводилась именно к разысканиям в области разного рода древностей и поискам первоначального смысла слов и содержания понятий; все крупные темы первой цзюани встречаются и здесь. Однако акцент на обычаях не столь силен, и потому можно выделить несколько иные главные тематические группы.

1. Фрагменты, посвященные известным ученым прошлого и современникам Сун Ци, в первую очередь — конфуцианцам. Сюда мы включаем высказывания о поэтах и поэзии; замечания вроде того, как правильно следует писать имя Бао Чжао (鮑照 405/412?–466?): «Ныне часто [в имени] Бао Чжао ошибочно пишут *чжао* 昭» (фраг. № 32); заметки о высказываниях и сами высказывания исторических лиц и знакомых Сун Ци: «Покойный господин Сун Сюань-сянь (то есть Сун Шоу (宋綬 991–1040). — *И. А.*) как-то сказал, что Цзо Цю-мин (左丘明 кон. VI–V до н. э.) достиг мастерства в описании дел человеческих, а Чжуан Чжоу (庄周 ок. 369–ок. 286 до н. э.) достиг мастерства в речах о Небесном Дао — и совершенные творения этих двух мудрецов ничто не может превзойти. Даже если бы снова появились в свете совершенномудрые — и они не смогли бы ничего добавить. Я же почитаю главы о Дао и Дэ Лао-цзы первопредком речений о сокровителе, “Ли сао” Цюя (屈原 340?–289? до н. э.) и Суна (宋玉 290?–223? гг. до н. э.) — первопредком одической поэзии, “Исторические записки” Сыма Цяня (司馬遷 145?–? до н. э.) — первопредком исторических записей и биографий. Ничто из того, что было создано позже, — что ни возьми — не может ни в чем это дополнить» (фраг. № 65).

2. Фрагменты, объясняющие, почему так много ошибок делают современные Сун Ци ученые — их неграмотность, с одной стороны, базируется на незнании одного из первых китайских толковых словарей «Шо вэнь цзе цзы» 說文解字, в котором они могли бы справиться об изначальном смысле того или иного иероглифа: «Ученые не читают “Шо вэнь”, и я считаю, что это неправильно» (фраг. № 48). Целая серия примеров иллюстрирует ошибки, возникающие из-за подобного рода неграмотности. С другой стороны, неграмотность кроется в простом невежестве, малой начитанности ученых в древних текстах и произведениях предшественников: «В древности говорили: уж если ты тупой невежда, то этого не скроешь» (фраг. № 63). Эта неграмотность проистекала и из-за простого отсутствия книг: «в конце [правления династии] Тан книжные собрания рассеялись-пропали, потому конфуцианцы плохо владели грамотой» (фраг. № 44). Особую трудность при чтении старых текстов представляют так называемые *вэйцзы* (偽字 «ложные иероглифы»), особое распространение получившие при династиях Поздняя Вэй и Северная Ци (534–577).

3. Фрагменты, посвященные уточнению мест из различных сочинений. В первую очередь это разного рода замечания, разъяснения, текстологические комментарии к фрагментам текста или даже отдельным иероглифам из «Хань шу» (漢書 «История [династии] Хань») либо пояснение смысла комментарием на «Хань шу», сделанным Янь Ши-гу (顏師古 581–645); также это замечания о комментариях философа Ван Би (王弼 226–249) на «И цзин» (易經 «Книга перемен»).

4. Фрагменты, где речь идет о прозаических (бессюжетных) произведениях и их авторах — древних и современных Сун Ци. Эти фрагменты носят текстологический характер и представляют собой оценки (высказывания) самого Сун Ци или других лиц по поводу того или иного произведения или автора. Часто упоминаются великие танские поэты и мыслители Лю Цзун-юань (柳宗元 773–819) и Хань Юй (韓愈 768–824), Сун Ци

нередко сравнивает их друг с другом и пишет об их достоинствах: Лю Цзун-юань, например, используя стиль древних, сумел тем не менее передать с его помощью совершенно новое содержание и т. д.

5. Фрагменты, посвященные рассуждениям об управлении государством. «В эпоху Чуньцю в Поднебесной царили истинные законы. У Кун-цзы был талант править Поднебесной, но [такая] возможность [ему] не представилась. Оттого идеалы его и очевидны были [при] Чуньцю — дабы благодаря им вся Поднебесная радовалась и [правителя] славилась, люди достойные не смели думать о личном, дабы Поднебесная не хулила их в рассуждении, а злодеи не смели чинить беспорядки» (фраг. № 71). Сун Ци приводит образцы совершенных правителей: например, ханьский Гао-цзу (на троне 205—195 до н. э.), управлявший, по словам Сун Ци, столь мудро, что его преемники крепко держали в руках бразды правления и ни в чем беспокойства не испытывали. По убеждению Сун Ци, у власти должны стоять люди просвещенные.

Если первые две цзюани более или менее однородны, то цзюань третья (шестьдесят шесть отрывков) полностью отвечает своему названию: «Цза шо» (雜說 «Разные высказывания»).

1. Высказывания, занимающие сравнительно большой объем и посвященные вопросам управления государством, а также взаимоотношениям государя и подданных: «Тот государь, что исключителен, смиряет зловерное, прекращает войны, а чиновники следуют его указам, и тогда все дела осуществляются. Хочешь обуздать окраины, сначала упорядочи центр. А центр — это и есть государь» (фраг. № 101). Или: «То, чего получить нельзя, владыке не следует просить; то, чего нельзя запретить, владыке не следует запрещать; то, чего нельзя исполнить, владыке не следует приказывать. Потому и говорят: больше просишь — меньше получаешь, ретивее запрещаешь — меньше слушаются, больше приказываешь — медленнее исполняют. Про владыку, который просит, но [просимого] не получает, говорят: потерял влияние; [про владыку], который просит то, что просить не следует, и своего добивается, говорят: бесчеловечный; [про владыку], который запрещает, а его не слушают, говорят: недостойный; [про владыку], который запрещает то, чего не следует запрещать, говорят: жестокий; [про владыку], который приказывает, а [приказов] не слушаются, говорят: потерял уважение; [про владыку], который приказывает то, что не следует исполнять, и своего добивается, говорят: порочный. Вот почему совершенно мудрые придавали большое значение устранению [таких] ошибок: отринешь эти три «не следует» — и прекрасно!» (фраг. № 106).

2. Высказывания о мироустройстве, соотношении земли и неба. Далеко не все из приводимых тут сентенций принадлежат самому Сун Ци, однако ссылок на источники почти нет. «Еда — то, от чего зависит жизнь человеческая. [Поешь] своевременно — и сыт, а [коли есть] нечего — страдаешь. А от очень сильного страдания — смерть. Законы — то, от чего зависит покой в государстве. Правильные [законы] — и порядок [царит], упреченные — и смута. А от очень сильной смуты — конец [государству]» (фраг. № 108).

3. Короткие — от восьми до двадцати иероглифов — высказывания афористического характера о самом разном (многие написаны ртимической прозой): «Нет ничего живительней дождя и росы, а роскошные травы высыхают опять; нет ничего свирепей инея и снега, а сосны и кипарисы зелены и зимой» (фраг. № 122). «В век избавления от смуты о книжности не говорят; в век стремления к покою о войнах не говорят» (фраг. № 147). «В лес пойдешь, топор забыв, — хворост не добудешь» (фраг. № 155). Такие фрагменты сосредоточены в конце данной цзюани.

Особняком стоят помещенные в конце цзюани четыре фрагмента — они отличаются и по объему, и по содержанию. Это произведения автобиографического характера: текст эпитафии и мемориальной стелы для могилы автора, а также обращение к родственникам с разъяснением о том, как нужно поступить с телом Сун Ци после его смерти. Эпитафию и текст для стелы Сун Ци составил сам. Нельзя не обратить внимания на самоуничижительный (вполне, впрочем, традиционный) характер эпитафии, а также и других автобиографических фрагментов сборника. Сун Ци настойчиво повторяет, что недостойно возвеличивания после смерти, ибо не сделал ничего выдающегося как государственный муж; он даже просит потомков не тратить силы и время на составление собрания его сочинений, ибо и в этой области он не создал ничего заслуживающего внимания (с последним, конечно, нельзя согласиться, вспомнив хотя бы «Синь тан шу»): «После того, как я умру, оповестите всех в семье, чтобы собрались для проведения похоронной церемонии. Совершите омовение и обрядите меня в плащ из журавлиных перьев, тюлевую шапку и нитяные сандалии. Через три дня [совершите положение в] гроб, через три месяца предайте тело земле, но ни в коем случае не слушайте гадальщиков школы иньян! Для гроба возьмите дерево низкого качества, лаком покройте гроб вместо четырех только три раза — вполне достаточно, чтобы мои бранные останки сохранялись в течение нескольких десятков лет, а большего и не надо. Жизнь моя вспыхнула ярко, а теперь [я] смешиваюсь со всем сущим, возвращаюсь в первозданную пустоту и сольюсь воедино с разлагающимся в могиле [телом]. Там [меня] ждет беспредельность — что же мне роптать? А могилу выкопайте на глубину в три чжана, устройте маленькую усыпальницу, чтобы поместился лишь гроб да погребальная утварь. Слева [от гроба] поставьте две миски с чистой водой и две корчаги с вином, справа поставьте два короба с рисовой мукой, положите один комплект придворного платья и один — приватного, а также расшитые туфли. Слева установите [стелу] с эпитафией, а на обратной стороне высеките поминальное слово. Насыпьте могильный курган — чем проще и скромнее, тем [лучше]. Не надо класть в могилу золотые и бронзовые предметы. То, чему я следовал [при жизни], не получило широкого признания, мои сочинения — произведения человека средних способностей, недостаточно для того, чтобы славили потомки. А ведь когда я служил, жалованье [мое] не превышало двух тысяч *ши* (ши — мера веса, немногим более 3,5 кг. — *И. А.*) — можно прокормить несколько человек! Нет у меня заслуг перед государем, людям я не оказывал милостей — не следует и просить о даровании мне посмертного имени, не надо принимать подношения средств для похорон, не должно и обращаться к выдающимся мужам, чтобы они составили эпитафию и текст поминальной стелы. На могильном кургане же посадите пять плакучих кипарисов, а насыпь сделайте высотой в три чи. Не надо звать для поминальной службы ни даосов, ни буддистов. Вот о чем я прошу при жизни. Ни в чем не нарушайте моих наказов, ведь если нарушите — я уж буду мертв и ничего о том не узнаю. Когда же в трауре будете посещать мою могилу, не надо устанавливать четыре погребальных бунчка, как это делают обычно, а используйте простую одежду и утварь, дабы почтить мое стремление к скромности. То, о чем говорил я при жизни, не представляет собой ничего особенного, и для меня важно, чтобы [вы] не имели намерений составить [моих] сочинений...» (фраг. № 164).

Перечисленные выше группы фрагментов характеризуют сборник «Сун цзин вэнь гун би цзи» как памятник, скорее тяготеющий к документальности, близкий к ранним сунским бицзи, таким как «Мэн си би тань» (夢溪筆談 «Записи бесед в Мэнси») Шэнь Ко (沈括 1031–1095), но в то же время, несмотря на малый объем, тематически очень пестрый и разнообразный. Видя, что «современники не достигают глубин древних», Сун Ци

старался уточнить неясное и исправить неверное. Истинное знание для него в большой степени связано с изначальным смыслом иероглифов и с правильным их написанием, а от этого — к правильному пониманию смысла выражений и связанных с ними обычаев. В своих разысканиях Сун Ци, в соответствии с традицией, постоянно опирается на мнения и произведения авторитетных для него лиц, часто пользуется примерами из стихов и еще чаще ссылается на то, что видел и слышал сам, или на слова своего старшего брата, которого именует не иначе как почетным титулом Цзюй(го)-гун 莒(國)公, дарованным Сун Сяню императорским двором за заслуги.

***

Сборник Сун Ци, таким образом, представляет собой эссеистическое собрание отдельных, бессюжетных и не связанных общей фабулой законченных записей (фрагментов), как правило коротких и лаконичных. Характер сборника подчеркивает и то обстоятельство, что в нем свободно совмещаются чисто информационные фрагменты, эстетические оценки, поэтические строки, афоризмы, фрагменты автобиографического характера, но нет сюжетных произведений. «Сун цзин вэнь гун би цзи» можно сравнить с записной книжкой ученого, где содержатся различные рабочие материалы, не нашедшие употребления при работе над другими сочинениями. И хотя эти материалы не разделены на четкие тематические группы, в сборнике явственным образом прослеживаются главные темы, которые составляли главный интерес автора и к которым автор в разных местах возвращался: государственное управление, исправление ошибок, оценка поэтических произведений и пр. Сам же автор сборника, Сун Ци, предстает перед нами одним из лучших образцов китайских книжников — постоянно сомневающимся в совершенстве своих знаний и всю жизнь стремившимся к их расширению, возводя точное знание в ранг абсолюта; предъявлявшим высокие, подчас почти невыполнимые требования как к себе, так и к окружающим, и потому вечно строгим к малейшим неточностям и небрежностям. Он не был баловнем судьбы, этот Сун Ци, и все, чего он добился в жизни — далось ему тяжким трудом, отчасти компенсировавшим отсутствие большого таланта: «Небо одарило меня талантами обычного человека, а обычный человек таков, что не может заставить имя свое греметь в мире»; работать каждый день, неутомимо грызть гранит науки, истово трудиться — и это принесет плоды; невежды же вызывали у Сун Ци искреннее негодование, граничившее с брюзжанием; верно, в жизни Сун Ци был сухой педант, строгий и бесстрастный, но этого мы наверняка не узнаем никогда.

¹ Ван Дэ-чэнь. Чжу ши. Юй Цзун-сянь дяньцзяо (История с метелкой для пыли. Крит. текст Юй Цзун-сяня). Шанхай, 1986. С. 28–29.

² Ван Дэ-чэнь. Указ. соч. С. 58. О бедности братьев Сун см. его заметку на с. 28–29.

³ Цит. по: Дин Чуань-цзин. Сунжэнь иши хуэйбянь (Собрание неофициальных историй о живших при Сун). Пекин, 2003. С. 287.

⁴ Подробнее о Сун Ци см. его официальную биографию в 284-й цзюани сунской династийной истории в приложении к биографии старшего брата, а также материалы в «Сунжэнь чжуаньци цзыляо соинь» (Сунжэнь чжуаньци цзыляо соинь. Ван Дэ-и цэндин (Указатель био-графических материалов лиц, живших при Сун / Под общей ред. Ван Дэ-и). Пекин, 1988. Т. 1. С. 738–739), работу Ван Жу-лая (Ван Жуй-лай. Ши-лунь Сун Ци (О Сун Ци) // Синань шифань дасюэ сюэбао. 1988. № 4); Се Сы-вэй. Сун Ци юй сундай вэньсю-эдэ фачжань (Сун Ци и развитие сунской литературы) // Вэньсюэ ичань (Лит. наследие). 1989. № 1, и др.

⁵ Ли Э. Сун ши цзи ши (Исторические события в сунских стихотворениях в жанре «ши»). Шанхай, 1983. Т. 1. С. 264.

⁶ *Чжао Гун-у.* Цзюнь чжай ду шу чжи цзяо дэн. Сунь Мэн цзяодэн (Заметки о чтении книг в кабинете начальника округа. Сверил и прокомментировал Сунь Мэн). Шанхай, 1990. С. 574.

⁷ *Сун Ци.* Сун цзин вэнь гун би цзи (Записки господина Сун Цзин-вэ-ня) // Цуншу цзичэн. Шанхай, 1936. Т. 280. С. 27.

⁸ Сунши ивэньчжи. Бу фу бянь (Сведения о литературе из истории [ди-настии] Сун, доп. и расш.). Пекин, 1958. С. 1023.

⁹ *Чэнь Чжэнь-сунь.* Чжи чжай шу лу цзе ти. Сюй Сяо-мань, Гу Мэй-хуа цзяодянь (Аннотированные заметки о книгах из кабинета Чжи-чжая / Крит. текст Сюй Сяо-маня и Гу Мэй-хуа). Шанхай, 1987. С. 308.

¹⁰ *Чжоу Чжун-фу.* Чжэнь тан ду шу цзи (Заметки о чтении книг из зала Чжэньтан). Шанхай, 1959. Т. 2. С. 1105.

¹¹ Древко с резным изображением горбатого быка, как символа могущества, которое жезлоносцы несли перед императорской процессией.

¹² Распространенная во время правления династии Суй секира с головкой в форме небольшой тыквы.